

Глава 39

Вчера Хэ Юньсяо, Чу Фань и Ян Чжэ действительно подняли славу Особняка Весеннего Ветерка на новую высоту, создав тенденцию «затмить всех дам в Особняке Весеннего Ветерка».

Сегодня появились еще более волнующие новости - Ду Иньюнь, которая дебютировала как цветочница всего вчера, уже выкуплена!

Это неслыханно.

Вчера дебют, сегодня выкуп.

Такой странной истории еще не было в мире секса и красоты всей страны Ци.

Конечно, Хэ Юньсяо, услышавший слухи, не удивился, ведь это было именно то, что он приказал сделать.

Декан Фань Юй из Академии Оленьих Рогов, или, вернее, генерал Фань Юй, некогда первый генерал Чу Тяньчжу, уже связался с Ду Иньюнь, единственным оставшимся членом семьи Ду.

Раньше, однако, Ду Иньюнь отказалась от себя и не согласилась на предложение Фань Юя, но сейчас, воодушевленная Хэ Юньсяо, она решила "служить" Великой Ци. Поэтому она приняла предложение Фань Юя, на следующий день собрала вещи и отправилась в Академию Оленьих Рогов.

На самом деле, любой, кто знал ситуацию того времени, догадался бы, что причиной, по которой Ду Иньюнь была вытащена из Департамента образования владельцем Особняка Весеннего Ветерка, должно быть влияние старых членов армии семьи Чу.

Также предполагается, что Особняк Весеннего Ветерка выбрал скрыть Ду Иньюнь ради защиты.

В любом случае, та цветочница Ду Иньюнь больше не работает там, а вместо этого станет профессором в Академии Оленьих Рогов.

С талантом Ду Иньюнь в музыке она вполне сможет преподавать средним ученикам.

Однако, боюсь, что на ее занятия будет аншлаг, студенты будут драться за места и нарушать порядок в школе.

Перед уходом Ду Иньюнь должна выполнить обещание, данное Цзян Ую.

А именно - провести с ней всю ночь в разговорах.

В глубине души Ду Иньюнь не могла бросить Цзян Ую.

Она и вправду прекрасный человек с добрым сердцем. Если бы она вчера не вмешалась вовремя, чтобы удержать ситуацию во время хаотичной драки между Хэ Юньсяо и Чу Фанем, день дебюта Цветочной Начальницы был бы испорчен.

Наступил вечер в Иньцзине, вещи Ду Иньюнь были почти собраны.

Остался только горшок с орхидеями на подоконнике, все еще одиноко стоящий.

"Когда мы пойдем к сестре Цзян позже, возьми с собой этот горшок с орхидеями", - сказала Ду Иньюнь юной служанке.

Служанка ответила, но она тоже знала, что завтра Ду Хуакуй уйдет из Особняка Весеннего Ветерка, поэтому была в подавленном настроении. Трудно найти такую девушку, как Ду Иньюнь - красивую, добросердечную, с безразличным характером и легкую в обслуживании.

Увидев, что маленькая служанка расстроена, Ду Иньюнь ласково сказала: "Я поговорю позже с сестрой Цзян и попрошу, чтобы ты работала у нее. Хорошо?"

Как только Ду Иньюнь уйдет, в Особняке Весеннего Ветерка никто не сможет соперничать с Цзян Ую по популярности, поэтому лучше, если она сможет пойти к ней.

Маленькая служанка тут же упала на колени в знак благодарности своей хозяйке.

Ду Иньюнь не могла принять такой большой жест и поспешно подняла маленькую служанку. Девушки поговорили, и когда пришло время, Ду Иньюнь отправилась на встречу.

Время дня - между 21:00 и 22:00.

В современном мире молодежь редко спит в это время. В древние времена, однако, развлечений было мало, и большинство людей ложились спать рано. Кроме того, некоторые бедные семьи ложились спать пораньше, чтобы сэкономить на масле для ламп.

Хозяйка и служанка подошли к двери комнаты Цзян Ую и осторожно постучали. Менее чем через два вдоха Цзян Ую в лунно-белой пижаме открыла дверь.

Как только дверь открылась, Цзян Ую с энтузиазмом взяла Ду Иньюнь за руку и сказала: "Ночью прохладно, сестра, проходи."

Когда ее втянули внутрь, Ду Иньюнь сказала: "Спасибо за помощь вчера. У меня нет ничего, чтобы отблагодарить тебя, у меня есть только этот горшок с орхидеями, которые я вырастила своими руками. Теперь, когда Юнь уходит, я оставляю эти цветы тебе на память".

Цзян Ую увидела орхидею, которую держала служанка, и сказала: "Ду Иньюнь достойна называться "весенней орхидеей". Она так хорошо ухаживала за этой орхидеей, ее ветви и листья процветают".

Затем Ду Иньюнь сказала: "Поставь орхидею у двери, а сама можешь идти обратно".

Услышав, что орхидея должна быть поставлена снаружи у двери, Цзян Ую сразу забеспокоилась.

Сестра Цзян знала в глубине души, что вчерашнее соглашение с Хэ Юньсяо заключалось в том, чтобы "поставить горшок с растением у двери". Если орхидея будет поставлена у двери, это будет как сказать Хэ Юньсяо: "Заходи, я дам тебе серебро сегодня вечером".

Но сейчас, не зная чувств Ду Иньюнь по отношению к Хэ Юньсяо, сделать это было невозможно.

Иначе это могло нанести ущерб мисс Ду на всю жизнь.

Вопрос о "даче серебра" мог быть лишь вишенкой на торте, а не вынужденным приданым.

Когда она увидела, что служанка Ду Иньюнь вышла, чтобы поставить горшок с цветами, Цзян Ую с нетерпением хотела услышать о чувствах Ду Иньюнь к Хэ Юньсяо. Поэтому она торопливо взяла Ду Иньюнь за руку и сказала: "Сестра, уже поздно, на улице очень холодно сидеть, давай ляжем в постель и поговорим откровенно".

Так девочки обычно разговаривали всю ночь напролет, поэтому Ду Иньюнь не нашла это странным и последовала за Цзян Ую во внутреннюю комнату, чтобы переодеться.

Сейчас было половина первого ночи, около десяти часов вечера. До назначенного времени с Хэ Юньсяо оставалось всего полчаса, то есть одиннадцать часов ночи.

Цзян Ую еще даже не начала разговаривать с Ду Иньюнь, поэтому она неизбежно немного волновалась.

Если Ду Иньюнь не нравился Хэ Юньсяо, ей пришлось бы найти способ убрать орхидею от

двери и сказать Хэ Юньсяо, чтобы он убирался и не заходил. Если же Ду Иньюнь нравился Хэ Юньсяо, ей пришлось бы найти способ улизнуть и впустить Хэ Юньсяо, чтобы они смогли быть вместе.

Единственное, чего я не могу сделать, это то, что я делаю сейчас - не убирать орхидеи и не ускользать самой. Тогда, если Хэ Юньсяо придет в назначенное время, разве это не принесет ему двойную удачу, благословение для него?

Видя, как Ду Иньюнь медленно снимает наряд, она взяла на себя инициативу сказать: "Сестра, позволь мне помочь тебе".

Сказав это, она не стала ждать согласия Ду Иньюнь, а протянула руку, чтобы помочь ей.

Чтобы ускорить процесс, ее движения были неизбежно немного грубыми.

Ду Иньюнь, однако, была немного удивлена. Она не понимала, почему сестра Цзян такая нетерпеливая.

Однако, поскольку она была гостьей, она не могла ничего сказать плохого о хозяйке.

Наконец, она переделалась в пижаму.

Пижамы Ду Иньюнь тоже были белого цвета, только чуть более скромная, чем у сестры Цзян. Рукава, вырез были плотно закрыты.

Две девушки рука об руку пошли в кровать.

Кровать цветочной главы, которая, разумеется, была очень щедрой. Не говоря уже о двух женщинах. Даже если бы их было больше, хватило бы места. Даже одеяла были сделаны согласно размерам кровати, так что было более чем достаточно места для двух девушек.

Когда они легли в кровать и выключили свет, атмосфера изменилась на шепот.

И только тогда Цзян Ую нетерпеливо спросила: "Иньюнь, скажи честно сестре, что ты думаешь о молодом господине как о человеке?"

Ду Иньюнь вспомнила договоренность между Хэ Юньсяо и ею о том, что они никогда не будут раскрывать свои близкие отношения, а будут притворяться, что не знают друг друга хорошо.

Поэтому она сказала: "Характер молодого господина Хэ слишком напористый".

Это была универсальная фраза. Ничего конкретного выделить было нельзя.

Однако Цзян Ую и вправду была хитра как дьявол.

Она протянула руку из-под одеяла и ткнула Ду Иньюнь в лицо, сказав: "Сестра Ду, я еще не называла, о каком Молодом Господине идет речь. Откуда ты взяла, что это Хэ Юньсяо?"

"Я..."

У Ду Иньюнь, которая попала в ловушку, не было что сказать.

Цзян Ую добавила: "Если бы тебя на этот раз выкупил молодой господин, а не генерал Фань Юй, ты бы все еще согласилась пойти?"

Ду Иньюнь хотела сказать "да", но знала, что не может так ответить. Она была "соратницей" Хэ Юньсяо и должна была защищать его личность как фальшивого бездельника. Если бы она сейчас сказала "да", это все раскрыло бы.

"Сестра еще не сказала, о каком молодом господине идет речь на этот раз?"

"Конечно, это Хэ Юньсяо".

"Тогда если бы молодой господин Хэ Юньсяо выкупил сестру, сестра была бы готова пойти?"

Услышав, как Ду Иньюнь говорит это, Цзян Ую тайно подумала, что дело плохо. В этот момент эта младшая сестра начала сопротивляться и больше не шла в ногу с моими словами, а даже начала спрашивать меня в ответ.

Две девушки, у которых не было внутренней силы, начали превращать слова в мечи, одна за другой, видя ходы друг друга.

Заметив, что Цзян Ую настроена настойчиво спрашивать о Хэ Юньсяо, Ду Иньюнь стала еще более настороженной, решив ни в коем случае не раскрывать Цзян Ую ни одной вещи о собственном мнении о Хэ Юньсяо, используя в основном риторические вопросы или цитируя то, что о нем говорили другие.

Цзян Ую теперь сожалела, что вначале была слишком нетерпелива, в результате чего Ду Иньюнь легко распознала ее мотивы. Теперь, когда та была настороже, задавать дальнейшие вопросы было сложно, и нужно было применить другой подход.

Но сейчас наступил конец ночи, и вскоре должно было наступить время, оговоренное с Хэ

Юньсяо, то есть полночь. Поэтому самым важным было не то, как изменить вопрос, чтобы спросить, а поскорее разобраться с горшком орхидей у двери.

Цзян Ую встала и сказала: "Иньюнь, ты голодна?"

Ду Иньюнь покачала головой. Она не ест перед сном.

"Повар сегодня испек медовый бобовый пирог, я схожу и принесу тебе попробовать".

Ду Иньюнь поспешно удержала Цзян Ую. Она не могла позволить сестре Цзян ее обслуживать, поэтому сказала: "Сестра, я пойду с тобой".

Цзян Ую: "-"

"Не нужно, сестра скоро вернется, как только выйдет, ты можешь расслабиться".

Сказав это, она поспешила надеть теплую одежду и вышла, даже не потрудившись зажечь потушенную лампу в своей комнате, не давая Ду Иньюнь, которая двигалась медленно, шанса отреагировать.

После того, как она вышла, и настало время.

Со звуком боя часов пришла красивая фигура к двери комнаты сестры Цзян, и не надо говорить, что это был Хэ Юньсяо, который пришел.

Хэ Юньсяо боялся, что сестра Цзян забудет поставить цветы, поэтому очень сознательно принес для сестры Цзян маленький цветок в горшке.

В этот момент этот маленький цветок в горшке стоял у двери, который нельзя было назвать совершенным произведением искусства. Но это тоже было произведение искусства.

Хэ Юньсяо толкнул дверь спальни Цзян, где свет был выключен, и не мог не почувствовать возбуждение.

Я прожил две жизни! Я, наконец, дождался этого дня!

Я хочу это серебро сегодня. Даже Иисус не может остановить это. Я так сказал!

<http://tl.rulate.ru/book/87329/3594013>